«Белые пятна» одной биографии, исчезающие с помощью диалога

Category: Kitapcy,Söhbetdeşlik
написано kitapcy | 24 января, 2025
«Белые пятна» одной биографии, исчезающие с помощью диалога
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ОДНОЙ БИОГРАФИИ, ИСЧЕЗАЮЩИЕ С ПОМОЩЬЮ ДИАЛОГА

Ата Ниязов – автор нескольких повестей и рассказов, переводчик произведений мировой классики, делегат I съезда писателей СССР. Его повесть «Самая последняя ночь» вышла в 1933 году на туркменском, а спустя год была издана в Москве на русском языке.
Любителям литературы известно: жизненный путь писателя фронтовика оборвала фашистская пуля. Но почти ни кто не знает другого: в тридцать седьмом году писатель был репрессирован и предвоенные годы провел в лагерях…
Мой собеседник – Марат Ниязов, человек в республике известный – заслуженный тренер Туркменистана, заслуженный мастер спорта. Он – сын писателя.

– Марат Атаевич, как начинались тяжкие испытания, выпавшие на долю вашей семьи?

– Как забирали отца, я не помню – был совсем мал. Но помню, как оказался у ворот тюрьмы. Мы с мамой из Ясмансалыка пешком ходили туда, в Ашгабат…
Когда отца посадили, нас выселили из квартиры. Мама перенесла вещи в Ясмансалык, в дом подруги. Только ночь и переночевали – а наутро мужа этой женщины, Мурад-ага, вызвали в правление колхоза.

– Как это понимать? Ты, коммунист приютил у себя семью врага народа!

— Если Ата Ниязов — враг народа, можете забрать мой партбилет. Я от этого человека не отрекусь никогда.
Хороший был человек, чистый. Потом мама рассказывала, что он добровольцем ушел на фронт и в конце войны погиб в Берлине.

— В канун тех страшных дней кто с вами в Ашгабате жил по соседству?

— Александр Аборский, Ходжа Шукур, Агахан Дурдыев, Берды Солтанниязов, Беки Сейтаков. Наш дом № 12 по улице Крупской так и называли «писательским». И сейчас этот дом стоит, даже землетрясение выдержал — он же деревянный, легкий. Вот там мы и жили. Но после ареста отца нам сказали , чтобы в 24 часа освободили квартиру. Вот мы и ходили к тюрьме из дальнего села. По северной дороге ходить невозможно было из-за пыли. Машин попутных не было, и мама сажала меня на спину и брела в город…
Помню, как судили отца и еще двенадцать человек, как их привезли в суд. Их окружали люди из НКВД, с собаками — как перед ними и впрямь были изверги. Я узнал, что моего отца приговорили к расстрелу. Отец потом рассказывал маме: он три-четыре дня ждал исполнения приговора. Как-то среди ночи за ним пришли. Но… не расстреляли, привели назад, в камеру. В конце концов его отправили на север, в Котлас, на строительство железной дороги. Лишь в декабре 1939 года его, освободили.

— А что стало после суда с вашей семьей?

— Мы переехали на Родину мамы в Уфу. Там у нее жили две сестры. Младшая еще не была замужней. А муж старшей, руководитель журналисткой организации Башкирии Рашит Багазов, член ЦИК республики, тоже был арестован. Потом посмертно его реабилитировали.
В Уфе маме жилось не сладко. На работу ее не брали как жену «врага народа». В конце концов, она вынуждена была соврать: «Мой муж умер, я вдова». И меня пристроили, потом в детский сад и тоже научили: «Если спросят- скажи, что у тебя нет папы». Мама устроилась библиотекарем в университет. Она ведь

была образованным человеком, ее в юности из Башкирии направили в Туркменистан на ликвидацию безграмотности. Работала Каака, потом в Мары. Там в Мары и познакомилась с отцом.
После ареста отца мама писала много писем в различные инстанции. То ли эти письма сработали, то ли сыграло роль то, что был арестован сам Ежов, – но однажды прихожу я домой и слышу от мамы: «Сынок, мы едим в Туркмению! Папу освободили».
Вот я обрадовался! Назавтра придя в садик, я всем объявил, мол уезжаем мы, потому что папа вышел из тюрьмы.
– Как? – удивилась воспитательница. – Из какой тюрьмы он ведь умер!
– Нет, мой папа жив!
И маму вызвали в детский сад.
– Почему вы нас обманули. Вы ведь оказывается, члены семьи врага народа!
– Нет, мой муж не враг народ. Его посадили по ошибке, а теперь оправдали и отпустили!
Отец, освободившись из тюрьмы, пошел к своему другу Нурмураду Сарыханову – больше ему не куда было идти. Телеграмму, которую мы послали из Уфы, пришла уже после нашего приезда. Приехали, стучим, стучим… Долго стучали. Наконец, дверь открывает Нурмурад… Жил он на улице Шаумяна, 64. Здания того уже нет. Но до сих пор стоят тутовые деревья, которые росли перед его окнами. По ним и узнаю то место.
Мы довольно долго прожили у Нурмурада, потом у Чарыяра Аннареджепова. В конце, концов сняли квартиру близ нынешнего института физкультуры. После освобождения отец был восстановлен в партии. Стал работать в издательстве. Переводил Пушкина, низами. Ведь его стол был завален грудой словарей – русских, азербайджанских… А со мной сразу после возвращения отец стал говорить на туркменском языке. Но я тогда ни одного его слова не понимал – привык в Уфе говорить по-татарски. Ни русского не знал, ни туркменского. Отец и смеялся и ругал маму.
– Что ты сотворила с ребенком? Ведь не прошло и двух лет!
Я очень старался и не хотел огорчать папу. Я выучил и туркменский, и русский языки.

Отец не любил говорить о пережитом. Но вот один его рассказ я помню. Вышел, я говорит, из лагеря, а у мену вся одежда рваная, да и постель такая же. В таком виде, говорит, я стеснялся идти в город. Все свои вещи сунул под какой-то мост – уж очень они изношены были. Бросил и одеяло. И вдруг как молнией меня ударило: его же мне жена в лагерь посылала, это ведь одеяло моего Мартика!- вернулся и забрал его.
Это одеяло и до сих пор цело, стеганное из верблюжьей шерсти. Я храню его как память об отце.
… А потом – война. Отец ушел на фронт. За пару дней до этого, когда мы сидели в доме Чарыяря-ага, мама увидела, что я потихоньку закурил. Когда отец с вещмешком за спиной выходил из ворот, мама сказала ему:
– Знаешь, а ведь твой сын курит.
Отец обернулся, посмотрел на меня и сказал:
– Мой сын до двадцати лет курить не будет.
И в самом деле, после этого я не курил до двадцати лет. Курить начал в двадцать один год и бросил, и бросил когда мне исполнилось пятьдесят. Очень уж я любил отца, никогда не смел его ослушаться. А он никогда меня пальцем не тронул.
Отец уходил на фронт простым солдатом. Но на побывку приехал старшим политруком. Потом был назначен редактором газеты Туркменской кавалерийской дивизии и с этой дивизией должен был вновь отправляться на фронт. В декабре 1942 года кто-то пришел к маме и сказал: – Сегодня ночью дивизия будет проходить через Ашгабат.
Оставив братишку дома, я, мама и дедушка по спешили на вокзал. Хотели пройти на платформу, но нас не пустили. Дед умолял: «Сын на фронт едет». Уговорили, нас пропустили. Я кричу: «Где мой ата?» И вдруг я его увидел: в длинной шинели, а с боку шашка. Я бросился к нему навстречу. Уж не помню, о чем говорили, только помню, как спросил у отца, есть ли у него пистолет, а потом сказал, что бы он фашистов поскорее зарубил шашкой и вернулся домой.
Отец погладил меня по голове: «Вот скоро вернемся с победой». И я увидел, что глаза его наполнились слезами.
Так уж вышло, что именно мне почтальон вручил конверт с

«похоронкой». Открываю, а там моя фотография. Я кричу: «Мамочка, письмо от ата пришло, а там моя карточка!» Мама пронзительно вскрикнула: «Вай!» И потеряла сознание.

— Вы знаете, где могила отца?

— Под Кривым Рогом, близ станции Калачевская.
После войны я поехал туда. Искал, искал — ни кто не знает такую станцию. Наконец пожилой железнодорожник пояснил, что станция переименовано, Калачевская стала Рудником Ленина.
В поселке у станции — большой обелиск Неизвестному солдату. Там я и разговорился с какой-то пожилой женщиной. Сказал, что в этих краях погиб мой отец, я его могилу ищу. Женщина говорит мне: «Чуть дальше есть небольшое кладбище, а рядом с ним домик. Где во время войны был госпиталь. Умерших в госпитале хоронили на том кладбище. Может, и твой отец тоже там лежит». На кладбище том все могилы безымянные. Я взял немножко земли и поехал назад. У меня и сейчас хранится этот горстка земли. Так и считаю, что она — с отцовской могилы.
У отца был фронтовой друг Миша Ходак. Когда отец погиб, именно он вложил в конверт мою фотографию и отослал нам. Письмо было отправлено на имя деда: «Сообщаем, что ваш сын Ниязов Ата, наш боевой друг, пал смертью храбрых от пуль немецких автоматчиков в атаке. Мы клянемся отомстить за смерть нашего боевого товарища…» Это письмо я запомнил наизусть.
Много лет спустя мне попался на глаза один из фронтовых очерков Михаила Алексеева. Одного из его героев зовут Ниязов Ата. По словам писателя, это был крепкий, смуглый туркмен, он играл на дутаре, писал стихи. Очень похож по описанию на моего отца! Я написал писателю письмо, но тот ответил, что его герой жив и по ныне. Потом я читал еще одну книгу — «Дорогами войны», одним из со авторов который был так же Михаил Алексеев. Я встретил там упоминания о бойце Ходаковском. Может быть писатель имел ввиду друга моего отца Мишу Ходака? Или это просто совпадение?

— Расскажите немного о себе?

— После десятилетки учился в Москве, в 1956 году закончил Институт химической и газовой промышленности имени Губкина. Потом три года работал в Туркмении — в Ашгабате, Керки, Эрбенте. Поступил было в аспирантуру — но после смерти научного руководителя оставил учебу. С того времени жизнь моя прочно связана со спортом. В 1960 году XVII Олимпийских Играх в Риме я завоевал серебренную медаль, позднее семь раз удостаивался звания чемпиона мира. Работал тренером в Болгарии, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах. И куда бы не забросила меня судьба. Всегда помнил одно: буду достойным имени отца.

— Марат Атаевич, я только что просмотрел архив вашего отца. Вы сберегли его членский писательский билет, и фотографии разных лет, сохранилось несколько писем фронта. Какое из них вы можете предложить читателям?

— Может быть это?
«Здравствуйте, Марат, Ренат и Майса!
В прошлом письме я не смог сообщить вам своего адреса. Теперь мой адрес известен. У нас все прекрасно, и настроение отменное. Уже начало теплеть. Снег тает, талые воды текут по земле… Мы всегда на конях. Каждый день в новом селе ночуем. Всюду следы разрухи, погромов. Кругом разбитые танки и машины. Мы шли вдоль Дона, побывали во многих местах Ростовской области.
Берды Кербабаеву я тоже написал письмо. Не знаю, он получил его или нет. Здесь всегда с нетерпением ждешь вестей из дома. Но я-то пока не ждал, потому что знал, что у вас нет моего адреса. А теперь через десять-пятнадцать дней—нет, еще через месяц — я начну ждать вашего ответа. Пишите почаще.
Больше всего соскучился по Маратику. Маратик, ты обещал мне хорошо учиться. Я верю, что ты хорошо учишься, что стал умным мальчиком…
Твой отец. 19 марта 1943 г. Хутор Тапкин».

* * *

Вместо послесловия: в 6 томе «Туркменской Советской энциклопедии» помешены рядом две статьи – об отце и сыне. В энциклопедии упоминается, что поэт Ата Ниязов был репрессирован как враг народа. Однако о том, что он был впоследствии реабилитирован, не сказано ни слова.
Если мы хотим узнать свою до конца, всю, как есть, мы должны сделать все, чтобы исчезали постепенно такие вот «белые пятна». Должны сделать это во имя справедливости, ради будущих поколений, которым суждено изучать историю своего народа и гордиться ею.

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 30.04.1992 год. Söhbetdeşlik